

В ТОТ МОМЕНТ НА КАРТУ БЫЛИ ПОСТАВЛЕНЫ
СУДЬБЫ НЕСКОЛЬКИХ ГОСУДАРСТВ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

СУДНЫЙ ДЕНЬ

Спецназ КГБ

Александр Тамоников

Судный день

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Судный день / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2021 — (Спецназ КГБ)

ISBN 978-5-04-122286-4

1973 год. На Ближнем Востоке назревает очередной военный конфликт. Египет стремится вернуть потерянные в Шестидневной войне земли. В разгар подготовки операции неизвестный из числа приближенных египетского президента Анвара Садата, завербованный израильской разведкой, похищает секретные документы генерального штаба. План предстоящего удара по Израилю под угрозой провала. Военное руководство Египта неофициально обращается к советским спецслужбам с просьбой помочь в поисках пропавших документов. Дело поручено группе «Дон» подполковника Богданова. На то, чтобы вычислить и нейтрализовать предателя, у оперативников всего одни сутки...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-122286-4

© Тамоников А. А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Александрович Тамоников

Судный день

© Тамоников А.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Египет, Александрия, дворец Монтаза, резиденция президента, 15 сентября 1973 года.

Оранжевый диск солнца медленно уходил за горизонт. Прибрежные воды в закатном свете казались мягкими и доброжелательными. Воздух, нагретый за день, неспешно остывал, наполняя прохладой величественный дворец из белого и красного камня. Здесь, на побережье Средиземного моря, дворец появился не так давно, чуть больше сорока лет назад. Его построил король Фуад в 1932 году в добавление к первому дворцу, служившему охотничьим домиком, планируя использовать в качестве летнего дворца.

Думал ли Фуад, потомок легендарного Мухаммеда Али, что его сын и наследник Фарук станет последним королем Египта? Думал ли он, когда строил дворец, что в 1952 году именно здесь его сын отречется от престола и вынужден будет уйти в изгнание? Предчувствовал ли, что на аркадных балконах дворца будут вечерами отдыхать тот, кто сыграет не последнюю роль в свержении династии Мухаммеда Али? Скорее всего, нет.

А он, Анвар ас-Садат, сын канцелярского служащего военного госпиталя северной провинции Египта, думал ли, что будет стоять на роскошном балконе дворца Монтаза не как приглашенный гость, а как вершитель судеб египетского народа? О да! Он думал, точнее, всегда знал, что Аллахом ему уготована особая миссия. Еще тогда, когда посещал медресе, он знал, что возвысится над своим народом для того, чтобы избавить его от британского колониального ига.

Он поступил в военную академию в Каире потому, что это открывало возможность пробиться наверх, встать в один ряд с «сильными мира сего». Встреча с Гамалем Абдель Насером в далеком теперь 1938 году определила весь жизненный путь Садата, когда он и другие офицеры, выступающие против британского влияния в Египте, основали тайное сообщество «Свободные офицеры».

Это он в июле 1952 года в составе «Свободных офицеров» свергал последнего короля Фарука. Именно он, Анвар ас-Садат, захватив радиостанцию, зачитал обращение к своему народу, объявив им радостную весть о свержении правительства. И он же лично контролировал высылку Фарука из страны.

Дальше шли различные государственные посты: член правящего Совета революционного командования, государственный министр в кабинете Насера, депутат, а затем и президент Национального собрания. В 1966 году – пост одного из вице-президентов при Гамале Насере, а затем и единственный вице-президент.

И вот теперь, после смерти Гамала, он пришел туда, куда больше полувека вел его Аллах. Он, Мухаммед Анвар ас-Садат, решением всеобщего референдума стал президентом страны и теперь мог без помех отстаивать интересы своей страны. Панарабизм – долой, социалистические взгляды, которых придерживался Насер, – долой, сторонников бывшего президента во главе с вице-президентом Али Сабри – долой. Да здравствует новая Конституция, приоритет демократических ценностей и неприкосновенность частной собственности! Да здравствует Арабская Республика Египет!

Но и на этом Садат останавливаться не собирался. Его главной болью и главным позором стала потеря Синайского полуострова, а это означало, что его душа не успокоится до тех пор, пока Синай остается в руках израильтян. Данная задача стала приоритетной для нового президента, и над ее решением он трудился не покладая рук.

Сейчас, стоя у стрельчатых окон второго этажа, устремив взор на воды Средиземного моря, Садат думал о том, как скоро он сможет взять реванш над израильтянами. Его союзник, новый президент Сирии Хафез Асад, пришедший к власти в результате бескровного переворота, так же, как и он, жаждал реванша. К окончательной договоренности они пришли еще летом – и теперь наращивали мощь армий и обсуждали возможные даты начала военных действий.

До знаменательного события оставалось не так много времени, так как оба правителя считали, что все должно случиться именно в этом году, а вопросов экономического и стратегического характера, которые требовали скорейшего решения, все не убавлялось. Каждый день во дворце Монтаза, который Садат выбрал в качестве главной резиденции, проходили встречи, решались вопросы, разрабатывались планы. Для посетителей, вынужденных преодолевать сто двенадцать миль от Каира до Александрии, расположение резиденции было не совсем удобным, но Садата не слишком волновали чужие трудности.

Почему он не обосновался в Каире? Почему выбрал побережье? Скорее всего, потому, что помнил триумф того дня, когда король Фарук, собрав пожитки, бежал из этого дворца. Это событие положило начало головокружительной карьере Садата, и к дворцу Монтаза он относился, как к некоему талисману, приносящему удачу. Сейчас, в преддверии новой войны, удача нужна была Садату как никогда.

Открылась дверь. Садат стоял спиной к массивной двери и скорее почувствовал, чем услышал, что уже не один в комнате. Не оборачиваясь, спросил:

– Чего тебе?

– Прибыл господин Мубарак, господин президент, – прозвучало в ответ.

– Пусть войдет, – коротко бросил Садат.

Хосни Мубарак, в недавнем прошлом командующий военно-воздушными силами и заместитель министра обороны Египта, не так давно получил от Садата звание главного маршала авиации. Он, по сути, выполнял обязанности главного советника президента по стратегическим вопросам в предстоящей кампании и обязан был являться во дворец по первому требованию. Несмотря на то что Мубарак входил в число ставленников Гамали Насера, Садат ему импонировал. По большей части оттого, что видел в нем свое отражение: Хосни, как когда-то сам Садат, вышел из низов, добившись высокого положения трудом и толикой везения.

– Вечер добрый, господин президент, – голос Хосни Мубарака эхом разлетелся по богато убранной комнате.

– Долго ты, – Садат повернулся лицом к вошедшему. – Проблемы?

– Никаких проблем. Назначено на восемнадцать тридцать, – по-военному четко отчитался Мубарак.

– Надо же, я думал позже, – Садат бросил взгляд на массивные напольные часы. – Пунктуальность – похвальная черта, поэтому перейдем к делу, чтобы не затягивать визит. Что с учениями?

– Действуем согласно плану, господин президент.

– Меня интересуют подробности. – Садат поморщился, настроение и так оставляло желать лучшего, а тут еще приходится выслушивать шаблонные ответы.

– Эскадрильи Ту-16 – план учений выполнен на сто процентов. По истребителям-бомбардировщикам: два учебно-боевых вылета назначены на 26 сентября и 2 октября, – почувствовав недовольство президента, Мубарак подтянулся.

– Сколько у нас бомбардировщиков?

– Двести шестнадцать единиц.

– Приличная сила, – губы Садата тронула улыбка. – Как настроение в войсках?

– Готовы биться до последнего вздоха, – ответил Мубарак и в этом не покривил душой. Настроения в войсках выгодно отличались от тех, что были двадцать лет назад, когда солдаты

и офицеры египетской армии готовы были сдаваться при малейшем изменении положения на фронте не в их пользу. Теперь подобных настроений уже не наблюдалось. Новые египетские подразделения славились выучкой, дисциплиной и готовностью стоять до конца. Так считал не только Мубарак, так считал весь арабский мир.

– Как и положено героям-освободителям, – Садат удовлетворенно кивнул, на такой ответ он и рассчитывал. – Я уверен, на этот раз мы с легкостью разгромим войска противника, они и охнуть не успеют. На нашей стороне силы, вдвое превышающие силы израильтян. Пусть строят сколько угодно заградительных укреплений, мы найдем что им противопоставить. Единственное, что волнует, – это нерешительный союзник, так, Хосни?

– Нерешительный союзник?

– Именно так. Два дня прошло, а со стороны Сирии никакой реакции. Как это понимать? Что думаешь об этом ты?

Прежде чем ответить, Мубарак выдержал паузу. Он прекрасно понял, о чем ведет речь Садат. Два дня назад, 13 сентября, на границе между Ливаном и Сирией произошел воздушный бой. Двенадцать сирийских МиГ-21 были сбиты военно-воздушными силами израильтян, сами же израильтяне вышли из боя практически без потерь. И вот теперь Израиль и его сторонники праздновали победу, а весь мир ждал, чем ответит президент Хафез Асад.

Ждал этого и Садат. С одной стороны, ему хотелось, чтобы Асад, наплевав на осторожность, предпринял ответный удар и поставил на место этих обнаглевших израильтян. Да, у них договоренность, и решающая дата еще не назначена, но он, Анвар Садат, готов поддержать сирийского лидера, пусть даже в ущерб предыдущим планам. Плевать на последствия! Пусть израильтяне захлебнутся собственной кровью, пусть поплатятся за наглость!

Так думал Садат-реакционер, но как политик, как глава народа, он не мог приветствовать подобные выходки. Совсем скоро они возьмут реванш, разгромят ненавистных израильтян, и тогда Асад сможет сказать, что его терпение вознаграждено, а жертвы 13 сентября – отмыщены.

Осторожный Мубарак с откровениями не торопился. Он уже успел познакомиться с изменчивым настроением президента, поэтому предпочитал оставлять свои взгляды при себе. Так безопаснее.

– В данный момент любая реакция президента Асада может навредить главному плану, – после продолжительной паузы произнес Мубарак.

Нейтральный ответ лишь рассердил Садата: губы его сжались в тонкую полоску, что для Мубарака не предвещало ничего хорошего. «Сейчас начнется», – обреченно подумал он и не ошибся.

– Вот как? Таково твое мнение? Значит, главный маршал авиации сильнейшей в арабском мире армии советует проглотить оскорбление, подставить вторую щеку и позволить всему миру рассуждать о несостоятельности президента.

– Этого я не говорил, – разговор зашел в опасное русло, и Мубарак позволил себе перебить президента, пока того не занесло окончательно. – Прощать подобное нельзя. И, случись подобное на нашей территории, я первым бы выступил за отклонение от плана и начало решительных действий. Но речь идет о сирийском президенте и о выгодах для нас. Нам же его нерешительность сейчас только на пользу.

– Тогда скажи, что думают об этом твои друзья в Москве, – голос Садата сочился язвительностью, пылкая речь Мубарака его не успокоила. – Твой друг товарищ Брежнев принес соболезнования президенту Сирии? Уже послал утешительный подарок в виде новенькой истребительной эскадрильи?

– Об этом мне неизвестно, – Мубарак старался говорить ровно, чтобы не выдать эмоций. – Думаю, Советский Союз постарается в кратчайшие сроки восполнить потерю.

– Считаешь мои действия в отношении СССР неправильными? Думаешь, я зря отказался от помощи Союза и выслал их советников из страны?

– Вы – президент, вам виднее, – Мубарак говорил медленно, подбирая каждое слово. – Во внешней политике я не силен, так что оценивать ваши действия не имею права.

– Ладно, иди, – неожиданно для Мубарака произнес Садат. Ему вдруг наскучил этот разговор, возникло непреодолимое желание остаться одному. – Завтра можешь не приезжать. Если понадобится, я вызову.

Хосни Мубарак поспешно вышел. Смена настроения нового президента была знакома ему не понаслышке, и он старался не задумываться об этой стороне его характера. Отпустил – и хорошо. Когда Садат завел речь об СССР, Мубарак приготовился в очередной раз отбиваться от нападок президента. Тот факт, что он дважды проходил обучение в Союзе, не давал покоя Садату.

Самого же Мубарака эта часть биографии не смущала. Во время учебы во Фрунзенском военно-авиационном училище он освоил искусство вождения бомбардировщика Ил-18, а позднее овладел искусством вождения тяжелого Ту-16. Благодаря этому он поднялся по карьерной лестнице военного и не на словах, а на деле доказал право считаться летчиком-асом.

Второй раз он попал в СССР в составе египетской военной делегации в 1964 году. Курс штабного обучения он проходил в Москве, в Военной академии имени Фрунзе. Он не скрывал своих симпатий к Советскому Союзу и его правителям. В конце концов, опыт, полученный во время обучения там, позволил ему в 1967 году возглавить Военную академию воздушных сил Египта, перестроить систему изнутри и к настоящему времени дать стране максимальное количество качественно подготовленных летчиков.

Да, ему не нравилась политика нового президента относительно Советского Союза. Когда Анвар Садат отказался от военной помощи СССР и в спешном порядке выслал из страны всех советских специалистов, Мубарак посчитал этот ход по меньшей мере недальновидным. Зачем рубить сук, на котором сидишь? Благодаря поставкам из Союза египетская армия стала реальной мощью. Так зачем отказываться от помощи? Но Садат решил иначе. Он отверг стратегию своего предшественника и взял курс на сближение с США. Мубараку этот шаг казался преждевременным, но мнение свое он предпочитал держать при себе.

Смену настроения Мубарак принял с облегчением. Это означало, что ему не придется в сотый раз доказывать свою лояльность существующей политике президента. И не придется испытывать на себе давление Садата относительно настроений в войсках в контексте последних событий на сирийской границе.

Потери сирийской авиации вызвали брожение в личном составе эскадрилий. Их не посвящали в планы президента, они лишь знали, что реванш не за горами. Но ждать и догонять – самые сложные задачи. Мубараку стоило больших усилий пресечь воинственные настроения во вверенных ему подразделениях. Ему даже пришлось намекнуть кое-кому из офицеров, что любые военные действия, предпринятые сейчас, могут навредить главному плану президента.

За двое суток ему удалось изменить настрой всех подведомственных подразделений, так что его доклад Садату можно было считать правдивым, а то, что он не упомянул о том, чего ему это стоило, так это можно списать на обстоятельства. Разговор вошел в другое русло, так что его совесть чиста.

«Действительно ли чиста твоя совесть?» – вопрос прозвучал в голове, но Мубарак оглянулся, будто боялся, что его мысли могут подслушать. Тревожные, они не в первый раз за последние полгода посетили голову маршала авиации. Тема его лояльности Союзу всегда вызывала беспокойство, но теперь этот вопрос стоял особо остро.

С тех пор как отношения между правителями Египта и СССР осложнились, Мубарак чувствовал себя неуютно. Анвар Садат четко дал понять Советам, что не нуждается в их помощи, он же, Хосни Мубарак, продолжал поддерживать отношения с руководством социалистической страны. Почему? Да потому что точно знал: рано или поздно их помощь понадобится Садату и наладить мосты за короткий срок он будет не в состоянии.

Он искренне считал, что действует в интересах своей страны и в интересах президента, хоть последний, узнай правду, с ним наверняка и не согласился бы. И напрасно. Сейчас он чувствует себя на коне, но если вдуматься, благодаря кому? Союз сыграл здесь не последнюю роль: львиная доля вооружения, которым располагает египетская армия, – это поставки из СССР. Наследство, доставшееся Садату от Насера. Вот кто знал толк в политических нюансах.

За три последних года правления Насера его армия получила от СССР невероятный объем зенитно-ракетного вооружения: ЗРК «Квадрат», ПЗРК «Стрела», а также противотанковые ракетные комплексы «Малютка». Но главное все же не это. Даже рядовой солдат знает: «иметь на вооружении» и «уметь пользоваться» – не одно и то же. Именно советские специалисты, которыми усилил армию египтян Леонид Брежнев, сделали из посредственных солдат настоящих профессионалов, научив их пользоваться всей этой техникой.

Нынешний президент почему-то не любил об этом вспоминать. Он делал ставку на зенитно-ракетные установки, на переносные противотанковые ракетные комплексы, восхищался боевой подготовкой расчетов, научившихся за пятьдесят семь секунд приводить в действие переносной комплекс «Малютка», поражающий цель на расстоянии от пятисот до трех тысяч метров. И при этом упорно забывал, кому обязан подобным успехом.

В отличие от Садата Хосни Мубарак, несколько лет потративший на обучение солдат боевому искусству, знал, чего стоит подобная помощь, потому и ценил советских союзников. Американцев же считал хитрецами и пустословами, способными в любой момент переменить сторону противника. К тому же всем было известно, чью сторону в арабо-израильском противостоянии держат США. К чему тогда все эти заигрывания с Египтом? Нет, от американцев нужно держаться подальше – таково было мнение Мубарака.

Хосни Мубарак сильно удивился бы, если бы узнал, что мысли Анвара Садата, оставшегося в президентской резиденции в полном одиночестве, были созвучны его мыслям. Они тоже крутились вокруг Советского Союза и лично Леонида Ильича Брежнева.

В самом начале своего правления Садат стремился действовать как и его предшественник. Он ездил в Москву с официальными визитами, налаживал мосты и даже подписал Договор о дружбе и сотрудничестве. Это было в 1971 году. Но он остро чувствовал недоверие со стороны лично Брежнева, который гордился своим военным прошлым и к Садату, служившему когда-то фашистской Германии, относился практически как к предателю Родины.

В противовес недоверию советских политических деятелей шло лояльное отношение правителей Соединенных Штатов, с которыми у Садата установились тайные связи. Садат отвечал Штатам той же симпатией, какую, как он считал, американские представители питают к нему лично и к его стране в целом. В 1972 году чаша весов окончательно склонилась в пользу США. Визит в Москву, когда Садат обратился к Советскому правительству с просьбой увеличить военную помощь, оказался последней каплей.

Садат уже не верил, что арабо-израильский конфликт стоит в приоритете внешней политики СССР. Москва не собирается идти на жертвы ради восстановления справедливости в том виде, в каком ее видит Садат. Американцы же, напротив, предложили всеобъемлющую помощь в обмен на полный разрыв Садата с русскими. «Убирайте русских из страны, и мы дадим вам все для поднятия экономики и укрепления обороны», – примерно так звучало их предложение.

И Садат принял решение. Когда в июле в Каир прибыл советский посол, беседа закончилась совершенно неожиданно. По крайней мере для посла. Посол долго разглагольствовал о результатах встречи Брежнева с американским президентом Никсоном, а затем, когда в докладе образовалась пауза, Садат выдал следующее:

– У меня для вас есть сообщение. Я решил отказаться от военной помощи СССР. Даю вам две недели, чтобы все ваши специалисты выехали из страны. Решение окончательное и обсуждению не подлежит. Всего хорошего.

Президент прошествовал мимо стоящего с открытым ртом посла и покинул апартаменты. Какова была реакция правительства СССР, Садат так и не узнал, но его требование исполнили в срок. К середине июля пятнадцать тысяч советских специалистов оказались за пределами страны.

Садат слишком поздно осознал, к чему приведут его действия. По сути, он сам, своими руками убрал камень преткновения между США и СССР. В странах Ближнего Востока несколько месяцев царила неопределенность, а Израиль и США так и не отреагировали на выходку Садата. Вот тогда Садат понял: единственное, что спасет его от политической смерти, – это война с Израилем. А для этого ему нужно продолжать сотрудничать с Советским Союзом. По крайней мере пока.

Он дотянул до декабря и продлил Союзу «военно-политические льготы» сроком на пять лет. Это был верный ход. Правильный и спасительный. Советский Союз возобновил поставки оружия, в распределении которого активное участие принимали военные советники из СССР. Благодаря предоставленным льготам Садат за полгода получил оружия больше, чем за предшествующие два с половиной. И все же он чувствовал недовольство.

Почему? Да потому что заигрывать с двумя сверхдержавами одновременно оказалось сложно и наверняка опасно. К чему приведут его действия, сказать сейчас никто не мог. Впрочем, и сам Садат не мог предположить, как и что изменить. Все, что ему оставалось, это ждать дня «икс», когда его армия получит возможность показать, на что она способна.

* * *

Группа специального назначения «Дон» в полном составе собралась в кабинете. Настроение у всех – хуже не придумаешь. После провальной операции в Чили прошло двенадцать дней. Позади остался перелет из Гаваны, визит в Комитет, прием у генерал-лейтенанта Мортина, начальника Первого главного управления КГБ, благодарность за провальную операцию и встреча с семьей. Целая неделя отдыха, глубокий выдох облегчения, когда пришло осознание, что гроза миновала и линчевать за провал операции «Бриз» бойцов никто не намерен. А потом это...

Звонок от начальника спецотдела Управления нелегальной разведки полковника Старцева поступил в ноль часов сорок пять минут по Москве в ночь с 21 на 22 сентября. Богданов только-только задремал. До половины двенадцатого принимал с женой гостей, потом вместе разгребали последствия застолья: мыли посуду, собирали бутылки, складывали по кастрюлям остатки ужина. Прием удался на славу, Богданов позволил себе расслабиться и выпить лишнего, чтобы напрочь выкинуть из головы мысли о Чили.

Ему почти удалось, если не избавиться от неприятных мыслей, то хотя бы загнать их в потаенный уголок сознания. И тут звонок. Ночные звонки всегда сулят неприятности, по радостному поводу предпочитают звонить на свежую голову. Еще не подняв трубку, Богданов знал, кто на проводе. Вылез из постели, босыми ногами протопал в коридор, не забыв прикрыть дверь в спальню. Уселся на тумбочку возле телефона.

– Слушаю, – бросил он в трубку. В конце концов, он дома и представляться по форме не обязан.

– Богданов? Полковник Старцев, – голос звучал сухо, официально. – Завтра в восемь утра группа в полном составе должна прибыть на базу. Штабной автобус будет ждать у подъезда. Остальных подберете сами.

– Что за спешка? – задал вопрос Богданов, но в трубке уже звучали короткие гудки.

Вот так вот, без приветствия, без привычных приветов жене Елене, даже подтверждения, что приказ принят, и то не дождался. Десять минут Богданов переваривал короткий разговор,

пытаясь понять, что изменилось за прошедшую неделю. Так и не придя к какому-то выводу, сел обзванивать членов группы.

Номер Дубко набрал первым, как-никак он его заместитель.

– Саш, привет. Богданов беспокоит, – произнес он, услышав сонное «алло».

– Чего колобродишь? Водки перебрал, на «поговорить» разморило? – в голосе Дубко звучало плохо скрытое недовольство.

– Если бы, – вздохнул Богданов. – Старцев звонил.

– Сейчас?

– Десять минут назад. Велено завтра к восьми утра всем составом прибыть на базу.

– Что за спешка? – эхом повторил вопрос командира Дубко. – Новое задание?

– Не имею ни малейшего представления, – ответил Богданов и передал помощнику содержание разговора.

На какое-то время в трубке повисла тишина. Затем осторожный вопрос:

– Думаешь, началось?

– Хрен его знает, – честно признался Богданов. – Похоже на то. Мне автобус прямо к подъезду подгонят, и за вами за каждым персонально заехать велено.

– Странно. Всегда место назначали, а тут с доставкой на дом?

– Вот и я о том же, – Богданов помолчал, потом продолжил: – Короче, к шести всем нужно быть готовыми. На КПП прибыть ровно в восемь, чтобы хоть к этому не придрались.

– Ребятам будешь говорить?

Богданов понял, о чем идет речь, поэтому переспрашивать не стал. По телефону – чем меньше говоришь, тем лучше для тебя. При их профессии поневоле параноиком станешь, будешь за каждым углом шпионов видеть и каждый разговор как под запись вести.

– На месте объясню. А так – новое задание, этого будет достаточно.

– Со своими хитрить – последнее дело, – высказался Дубко.

– Знаю, – коротко ответил Богданов и положил трубку.

С Казанцом разговор прошел гладко. Вопросов он не задавал, гукнул в трубку «принято» и отключился. С Дорохиным получилось сложнее. Богданов еще говорить не начал, а Дорохин уже давай вопросами сыпать.

– Сам Старцев звонил, в час ночи? Это не к добру, – зачастил он. – И сбор экстренный назначил? А задачу совсем никак не обозначил? Совсем скверные дела. Да чего ты молчишь-то?

– Ты мне слова вставить не даешь, – Богданов вынужден был перейти к обороне. – Сто вопросов в секунду, непонятно, на какой отвечать.

– А ты собирался отвечать? Мне так не показалось, – Дорохин безошибочно определил намерения командира.

– Так раз сам все понял, зачем вопросы задавать? – резонно заметил Богданов.

– Строить предположения и догадки тоже запрещено? Да брось, Вячеслав Антонович, мы с тобой не первый год в одной связке. Сказал – не обсуждается, и дело с концом. Я что, не пойму?

– Не обсуждается, Коля, в этом ты прав, – сдался Богданов. – Да я и сам ничего не знаю. Завтра приедем на базу, там и выясним.

– Не горюй, командир, все будет хорошо, – подбодрил Дорохин. – Может, еще и к награде представят.

– Главное, чтобы не посмертно, – мрачно пошутил Богданов и дал отбой.

Пару минут он сидел с закрытыми глазами, соображая, что сказать жене, чтобы не волновать раньше времени. Настроение упало до нуля, перед мысленным взором замелькали картины, одна драматичнее другой. Конечно, сейчас не тридцать седьмой, черный воронок с энкаведэшниками по городу не шныряет, а «судебные тройки» не подписывают расстрельные

приговоры направо и налево. Но... Чем черт не шутит? Лихие времена как ушли, так и обратно придут. Быстро и незаметно. Незаметно для окружающих, но не для того, кто под политические жернова попадет.

– Что случилось?

Богданов вздрогнул и открыл глаза. В дверях, озабоченно глядя на него, стояла жена.

– Ты чего не спишь, Лен? – глупый вопрос Богданов задал, чтобы выиграть время. Красочные картины все еще стояли перед глазами, мешая сосредоточиться на действительности.

– Поспишь с тобой, – Елена хотела, чтобы фраза прозвучала ворчливо, но голос предательски дрогнул, и она решила не притворяться. – Произошло что-то плохое?

– С чего ты взяла? – нарочито бодро произнес Богданов. – Или в первый раз меня беспокоят полночными телефонными звонками?

– Телефонные звонки – это одно, а вот сидение возле трубки с закрытыми глазами и тучей на лице – совершенно другое.

– Какие тучи, Ленуль, выдумашь тоже, – Богданов поднялся, подошел к жене, обнял ее за талию. – Обычный звонок, на базу вызывают.

– Когда?

– Сегодня.

– Сейчас?

– Собраться успею, – Богданов еще крепче обнял жену, она прижалась к нему всем телом. «Прощаемся? Уже? Как перед расстрелом», – неприятная ассоциация снова испортила настроение. Богданов поцеловал жену в висок и отстранился. – Иди спать, я скоро.

– Надолго едешь? – продолжала допытываться жена.

– Ничего неизвестно. Завтра позвоню, скажу.

– Я помогу вещи собрать, – Елена пошла в гостевую комнату, где стоял платяной шкаф.

– Ничего не надо, Лен, – попытался остановить жену Богданов. – Правда, не нужно ничего. Сказали – прибыть налегке.

– Мало ли что они сказали, – Елена вытащила из шкафа чемодан, раскрыла крышку и начала методично опустошать полки мужа. – Им, может, и налегке хорошо, а я не могу тебе позволить ходить в грязных носках и трусах.

– Послушай, я все равно его не возьму. Приказ есть приказ. И не нужно мне столько вещей, я вполне могу обойтись десятой частью. Да оставь ты чемодан в покое, – нервы сдали, Богданов с силой отшвырнул чемодан в сторону. Тот ударился о стену, отлетел под кровать, крышка хрястнула и сложилась в обратную сторону.

Жена ахнула, схватилась за горло, будто испугалась, что через него выскочит сердце.

– Слава, Слава, да что же это? – голос слабый, а в нем мольба.

«Черт, да возьми же себя в руки, – сам себе приказал Богданов. – Ты боевой офицер, а ведешь себя как мнительная курсистка. Вон жену ни за что ни про что обидел. А если это ваш последний вечер?»

– Прости, Лен, я переборщил, – неловко извинился он.

– Переборщил? Так это теперь называется? Отчего меня не швырнул? Я помягче, ноге бы не так больно было, и удовольствия наверняка больше.

Елена уже оправилась от первого шока, голос стал ледяным, а в глазах... Лучше бы Богданову не видеть этих глаз! Боль, оскорбленная гордость и еще что-то, о чем даже думать не хочется. Отвращение? Пожалуй.

Так Лена однажды смотрела на пьяного мужика, который изголялся над своей женой возле гастронома. То ли деньги с нее требовал, то ли просто кочевряжился, Богданов уже не помнил. Зато прекрасно помнил, как поймал взгляд Лены. Она буквально заставила Богданова, обычно не встречающего в бытовые разборки между супругами, пойти и как следует тряхнуть эту пьянь.

Этого оказалось достаточно: мужик подорвался с места и усвистел, только его и видели. Его супруга что-то пролепетала, но Богданов не стал слушать. Его ждала жена. Теперь же эта самая жена смотрела с отвращением уже на него. Только тряхнуть его оказалось некому.

– Лен, не надо так, – Богданов предпринял вторую попытку примириться.

– Хорошо, – холодно произнесла Елена и ушла в спальню.

Богданов услышал, как скрипнула кровать, – жена легла в постель. «Пойти за ней? Нет, только хуже сделаешь, – сам себя остановил Богданов. – Эх, такой вечер испортил».

В спальню он не пошел. Вместо этого прошел на кухню, открыл холодильник, достал початую бутылку «Столичной». Взял с полки рюмку, повертел в руках, вернул на место. Заменил рюмку граненым стаканом, наполнил до краев и выпил залпом. Привычного тепла, разливающегося по телу, он не почувствовал. Только горечь во рту. Убрал остатки в холодильник и пошел в ванную комнату приводить себя в порядок.

Приехали за ним в пять сорок. Он стоял у окна и смотрел, как разворачивается штабной автобус. Пора было уходить. Он погасил свет на кухне, подошел к спальне, приоткрыл дверь. Елена лежала спиной к двери, дышала ровно, но он знал, что она не спит. Подождал пару минут, надеясь, что жена обернется, скажет что-то на прощание. Но она не обернулась. Богданов прикрыл дверь и вышел из квартиры.

На базу приехали без шести минут восемь. На контрольно-пропускном пункте проверили документы, пропустили без вопросов. У дома на шесть человек, отведенного для базирования группы «Дон», молча выгрузились. Водитель махнул рукой и укатил обратно в Москву.

Команда Богданова заняла привычные места. После того как нехитрые пожитки разнесли по комнатам, все собрались в кабинете, расположенном в мансарде. Обсуждать особо было нечего, поэтому, поболтав о том о сем, разошлись.

До полудня занимались своими делами, в основном отсыпались. Богданов не спал, сидел в кабинете у телефонного аппарата и ждал звонка начальства. А оно со звонком не торопилось. Прождав до двух часов дня, Богданов попытался сам выйти на связь с полковником. Но и тут его ждал неприятный сюрприз. Первый помощник полковника сообщил, что Старцева на месте нет и в ближайшее время не будет. Богданову было велено ждать и не беспокоить людей без нужды.

К вечеру напряжение несколько ослабло: члены группы решили, что раз до сих пор до них руки не дошли, значит, напрасно они паниковали. Чтобы не тратить время впустую, решили провести ночные учения на стрельбище. Подготовить площадку Богданов отправил Казанца и Дорохина. Не прошло и десяти минут, как те вернулись.

– Все готово? – удивился Богданов.

– Если бы, – в голосе Казанца звучало раздражение. – Оказывается, мы под арестом.

– Что за ерунду ты несешь? – рассердился Дубко. – Под каким еще арестом?

– Не под арестом, а в режиме ограниченного передвижения, – пояснил Дорохин. – К стрельбищу доступ запрещен.

– Кто сказал? – Богданов поднялся.

– Охрана при входе, – коротко бросил Дорохин. – Десять минут с ними бодались, и все без толку.

То, что дом, принадлежавший группе, находится под отдельной охраной, для команды не было новостью. В доме находилось оружие, полная экипировка и большой запас боеприпасов – ясное дело, все это нуждалось в охране. В войсковой части, которая располагалась на территории базы, служили пограничники, они же и обеспечивали охрану.

Но только в те дни, когда дом пустовал. Когда же группа заселялась в дом, охрана снималась, вернее, она оставалась, но чисто для подстраховки, чтобы не тратить время на организацию охраны в случае экстренного выезда группы. Подразумевалось, что ответственность за вооружение и боеприпасы несет командир группы.

– Пойду разберусь, что за ерунда здесь происходит, – проговорил Богданов и вышел из дома.

Вернулся чернее тучи. Как выяснилось, в этот раз охрану оставили. Более того, начальнику караула был отдан приказ контролировать передвижения членов группы. По сути, передвигаться им было позволено только по дому и приусадебному участку. Такие объекты, как стрельбище и даже пруд, оказались для посещения закрыты. Такое на практике Богданова, который начинал службу в спецгруппе сопливым лейтенантом еще при майоре Семенове в далекие пятидесятые, происходило впервые. Как реагировать на подобные ограничения, он не знал.

– Давайте-ка арсенал проверим, – предложил Дубко.

– Уверен, здесь нас ждет не меньший сюрприз, – не двигаясь с места, проговорил Богданов. – Неужели ты думаешь, нас посадили бы под замок в доме, напичканном оружием?

– Проверить все равно стоит, – возразил Дубко и вышел.

Разговор происходил на кухне. Казанец и Дорохин, вернувшись после неудачной попытки попасть на стрельбище, устроились за столом, Богданов оставался в дверях. Долго ждать Дубко не пришлось. Он вернулся минуты через две и по растерянному выражению лица стало понятно, каков результат осмотра оружейки.

– Ничего? – Казанец все же задал вопрос.

– Пусто, – растерянno произнес Дубко. – Шаром покати, даже экипировки не оставили.

– Да... Дела... – протянул Дорохин.

– Отставить нытье, – приказал Богданов. – Выводы будем делать после того, как полковник Старцев выйдет на связь.

– И когда же это случится? – за всех задал вопрос Дорохин.

– Всем отбой, – приказал Богданов и первым вышел из кухни.

За ним поплелись остальные. Без ужина разошлись по комнатам, ни разговаривать, ни есть никому не хотелось.

Наутро все снова собрались на кухне. Вяло, без аппетита позавтракали, обсудили погоду, разошлись. Богданов поднялся в мансарду, занял пост у телефона. До двух часов напрасно прождал звонка, спустился вниз, собрал команду.

– Слушай расписание дня, – без вступления начал он. – Подъем в шесть, пробежка по территории, два часа на физподготовку, затем завтрак. С девяти до двенадцати рукопашный бой, два часа свободное время, в два обед. Два часа на отдых и личные дела, в четыре теория «Тактика военного дела», затем два часа физподготовка и ужин. После ужина боевые искусства. Отбой в десять.

– К чему это все, командир? – начал было возражать Дорохин.

– Отставить разговоры, товарищ старший лейтенант, – оборвал его Богданов. – Приказы не обсуждать, расписание дня выполнять неукоснительно. Начало действия приказа – с этой минуты. Дорохин, приготовить обед на четыре боевые единицы.

– Не запрыгай, Слав, народ и так на взводе, – Дубко нахмурился. – Если мы еще между собой собачиться начнем, нам точно хана.

– Тогда не расслабляйтесь, – вспыхнул Богданов. – Сидим здесь как в камере. Пожрали, поспали, поспали и снова жрать. Хороши офицеры, ничего не скажешь!

Дорохин встал, направился к холодильнику, Казанец нехотя последовал его примеру. Дорохин достал четыре банки тушенки, вывалил содержимое на сковороду, поставил на электрическую плиту. Казанец разбил в другую сковороду восемь яиц, посолил и занялся хлебом. Запас продуктов в доме всегда держали в большом количестве, периодически заменяя просроченные товары на свежие, а перед очередным заездом пополняли холодильник скоропортящимися продуктами, типа овощей и фруктов. На этот раз из скоропортящихся продуктов в наличие оказался только хлеб, да и тот доставили бойцы охраны уже после выгрузки группы

«Дон». Отсутствие полноценного питания члены команды отнесли к числу плохих знаков, но вслух этот вопрос не обсуждали.

Богданов некоторое время наблюдал за приготовлением к обеду, потом развернулся и вышел на крыльцо. Спустя пару минут к нему присоединился Дубко.

– Ты чего на них налетел? – беззлобно поинтересовался он.

– Противно, – коротко бросил Богданов.

– Всем противно, – напомнил Дубко. – Мы в одинаковых условиях или ты забыл?

– Считаешь, дисциплина не нужна? Организация – лишнее?

– Нет, не считаю. Только приказывать не стоило. Мы ведь не отказывались, – заметил Дубко. – Сели, обсудили, приняли решение, а дальше составляй свой распорядок сколько душе угодно. И все подчинятся.

– Перегнул? – Богданов вопросительно взглянул на заместителя.

– Есть маленько.

– Ладно, разберемся.

Оба вернулись в дом. Обед уже был готов. Молча поели, разошлись по комнатам. В четыре часа Богданов представил график дежурства в кабинете. У телефона всегда должен был находиться один человек из группы, чтобы не пропустить звонок. Обеденный инцидент не вспоминали, Богданов не стал извиняться, никто этого и не ждал, но обстановка сама по себе разрядилась.

Так прошло еще полтора суток, а к вечеру третьего дня нервы не выдержали уже у Дубко. По плану Богданова, в двадцать два ноль-ноль члены группы должны были отойти ко сну, этой ночью дежурство у телефона нес командир, но без четверти десять в кабинет в мансарде вошел Дубко и заявил:

– Собирай группу, пришло время обсудить перспективы.

Богданов взглянул на заместителя, молча вышел из кабинета, а вернулся уже с Казанцом и Дорохиным. Пока устраивались, в кабинете висела тишина. Как только движение прекратилось, Дубко снова заговорил:

– Ситуация следующая: с момента провальной операции прошло две недели. Официально претензий за ее провал группе не предъявили и даже поблагодарили. Вроде как. Банкет устроили, по домам в отпуск отправили, и внешне все выглядело ровно и красиво. Но прошло время, и командир получил приказ: всем прибыть на базу. Ночной звонок без комментариев, без обозначения задачи – одно это выглядит странно. То, что происходит последние три дня, выходит за рамки привычного куда сильнее, чем лицемерные поздравления особых служб. Вопрос: что будем делать?

Вопрос прозвучал, все взоры обратились к командиру. Богданов сидел у окна, всем своим видом показывая, что его происходящее в комнате совершенно не волнует.

– Командир? – первым нарушил тишину Казанец.

– Не к тому обращаешься, прапорщик, – выдержав паузу, проговорил Богданов. – Не я вас здесь собрал, не мне и на вопросы отвечать.

– Но ведь ты командир, – резонно заметил Казанец.

– Думаю, у майора Дубко сложился гениальный план, – с плохо скрытой иронией заметил Богданов. – Давай, майор, выкладывай.

– Решил отгородиться? – Дубко не скрывал недовольства. – Пустить все на самотек?

– Нет, майор, решил дать тебе возможность высказаться, а то ты с минуты на минуту взорвешься от негодования, – Богданов закинул ногу на ногу, откинулся на спинку стула и, скрестив руки на груди, закрыл глаза. – Вещай, майор, а мы слушаем.

– Правда, Саш, если есть что сказать – говори, – поторопил Дорохин. – Поцапаться вы и без нас можете.

– Хорошо, я выскажусь первым, – Дубко подтянулся. – Мое мнение такое: в верхах решили пересмотреть отношение к операции «Бриз». Присутствие полковника Карденоса не позволило военным чинам взвалить ответственность за провал на группу, им нужно было сохранить лицо перед кубинскими коллегами. Полковник Карденос, старший офицер Управления разведки Кубы, заливался соловьем, расхваливая нашу работу и то, как благодаря нашим усилиям кубинская группа вышла из операции без потерь. При подобном раскладе военные чины выглядели бы не совсем красиво, если бы встретили нас не как победителей, а как преступников. Сейчас шумиха вокруг дела улеглась, и комитетчикам ничто не мешает преподнести Председателю Комитета государственной безопасности ситуацию так, как они посчитают нужным.

– Считаешь, они ищут козла отпущения? – задал вопрос Дорохин.

– А ты как думаешь? Приказ на выполнение операции «Бриз» отдал сам Андропов, – напомнил Дубко. – Перед ним и отчет держать. Думаешь, генерал Мартин станет за нас отдуваться? Нет и еще раз нет. Он отдаст нас на откуп Председателю КГБ, а сам останется чистым.

– Повлиять на решение генерала Мортина, а тем более на решение Андропова мы все равно не можем. Так к чему воду лить?

– К тому, что у нас еще есть время, – Дубко повернулся к Казанцу, отвечая на его вопрос. – Неужели непонятно, что нас ждет?

– И что же нас ждет?

Вопрос задал подполковник Богданов. Он молча слушал рассуждения Дубко до тех пор, пока тот вслух не высказал главный вопрос, который волновал всех присутствующих. Что их ждет? Вопрос хороший, а главное, актуальный. Если бы дело ограничилось увольнением, их бы попросту вызывали по одному в Комитет, дали подписать бумаги и выкинули на улицу за ненадобностью. Но их не вызвали, их отправили на базу, следовательно, увольнением комитетчики не ограничатся. Тогда что? В поисках ответа на этот вопрос офицеры могли зайти слишком далеко, поэтому-то Богданов и вмешался.

– Так что нас ждет, майор?

– Трибунал, – ответ прозвучал хлестко.

– Абсурд!

– В чем именно?

– Да в том, что спецгруппу нелегальной разведки, которую создали для выполнения сверхсложных задач, охраняют призывники-пограничники, и это перед тем, как отдать их под трибунал? Больше глупости я еще в жизни не слышал.

– Тогда зачем нас здесь держат? Что означает это молчание, что означает запрет на передвижения дальше пятисотметрового радиуса? Хочешь сказать, про нас просто забыли?

Дубко подался вперед, ожидая реакции командира. Богданов сменил позу, от былой ослабленности не осталось и следа. Он тоже подался вперед, поймал глазами взгляд Дубко и начал говорить, чеканя каждое слово:

– Посадили нас здесь как раз для того, чтобы мы помариновались в неведении. Таковы игры «власть имущих». Они создали провокационную ситуацию и ждут реакции. Проверяют, как скоро мы сорвемся, как скоро не выдержат наши нервы. И ты, Дубко, хочешь им подыграть.

– Игры? Не думаю.

– Наверняка. Конечно, одним ограничением передвижения дело не кончится. Скорее всего, в группу внедрят человека, который будет наблюдать за нашими действиями и каждый шаг докладывать лично Андропову. Какое-то время мы все будем под колпаком, а если пройдем проверку... Когда пройдем проверку, все вернется на круги своя.

Дубко с сомнением покачал головой:

– Звучит оптимистично, по крайней мере более оптимистично, чем мой вариант, но верится с трудом.

– Был бы я азартным, сделал бы ставку на свою версию, – заявил Богданов. – И выиграл бы.

– Уверен?

– Более чем. И ты сможешь убедиться в моей правоте, как только зазвонит этот телефон!

Богданов вытянул руку и ткнул указательным пальцем в телефонный аппарат. И в этот момент прозвучал звонок. От неожиданности все вздрогнули, Богданов отдернул руку, обвел глазами членов группы, сделал глубокий вдох и поднял трубку.

– Богданов? Полковник Старцев, – голос полковника разнесся по комнате. – Заждались звонка? Ничего, ожидание вам на пользу. Завтра в восемь часов на базу прибудет полковник Шилкин Геннадий Андреевич. Вы всей группой поступаете под его начало. Передашь ему полномочия, будет необходимость, поможешь в организации бытовых вопросов. Шилкин прибудет с новым заданием, которое курирует сам Леонид Ильич, так что не облажайтесь, парни.

Как и в первый раз, Старцев дал отбой, не дожидаясь реакции Богданова. Тот положил трубку, поднял глаза и коротко объявил:

– Вот вам и ответ. Завтра для спецгруппы «Дон» начинается новая эпоха.

Глава 2

Полковник Старцев проснулся, как от толчка. Открыл глаза. Настенные часы, подарок коллег на юбилей, показывали ровно восемь. Первой мыслью было: проспал! В это время он обычно входил в кабинет, а тут только глаза продрал. Оторвал голову от подушки, скинул ноги на пол, и тут до него дошло, что на службу идти не нужно. Три дня отгулов по рекомендации врачей.

Чертыхнувшись, он все же встал с кровати, сунул ноги в тапки, прошел на кухню. С верхней полки навесного шкафа достал спички, зажег газ. Поднял чайник, слегка потряс за ручку, заглянул под крышку. Воды оставалось на доньшке. С полминуты решал: налить воду из крана или, для скорости, взять кипяченой из кувшина. Решил: торопиться некуда. Открыл кран, подставил чайник под струю. Полный наливать не стал, ограничился половиной. Поставил чайник на огонь, капли, стекающие с гладкого бока, весело зашипели.

Старцеву это радости не прибавило. В последнее время его вообще трудно было обрадовать, и сегодня в восемь утра он подскочил не просто так. В этот самый момент его лучшую группу, его гордость, его опору ждет сюрприз, какого ни один член группы не получал с самого ее основания. Штатный военврач сказал: сердечко барахлит, нужно побережись. А как тут побережешься, когда карьера возвращенных тобой офицеров под угрозой? У любого сердце забарахлит.

Он ждал беды, готовился к встрече с ней, и все равно оказался не готов. Когда его лучшая группа «Дон» во главе с командиром подполковником Богдановым вернулась в Москву, все, и в том числе он, Старцев, готовились к худшему – недели, а может, месяцы допросов, разбирательств и прочей бюрократической волокиты, пока не определят виновных, а правильнее сказать – «крайних». А как иначе, когда сам Леонид Ильич проявил интерес к операции в Чили. Его интересовала судьба Луиса Корвалана, Генерального секретаря коммунистической партии. В первую очередь, его спасения ждал Брежнев, а Альянде – так, для компании.

И вот группа вернулась. Без Корвалана, без Альянде и их семей. Как должен был отреагировать на подобный результат Генеральный секретарь ЦК? Разумеется, вспылать праведным гневом и потребовать: найти виновных и наказать по всей строгости. Старцев не сомневался, что «крайними» сделают его и его ребят. Но поначалу все шло более чем гладко. Ни вопросов, ни упреков, ни тем более угроз. Как будто Брежнев решил, что не настолько ему Корвалан и дорог, чтобы из-за него шум поднимать.

Потом вдруг все изменилось. Резко и оттого неожиданно. 21 сентября его вызвал к себе начальник Управления генерал-майор Лазарев, в этом не было ничего необычного. Как-никак Лазарев – его непосредственный начальник, кому и вызывать, если не ему.

Войдя в кабинет, Старцев застал Лазарева за столом. Перед ним стояла пепельница, несмотря на ранний час, полная окурков. Старцев не мог себе представить, чтобы кабинет начальника Управления нелегальной разведки КГБ забыли убрать с вечера. Значит, в пепельнице улов уже этого дня.

– Доброе утро, Анатолий Иванович, – поздоровался Старцев. – Или недоброе?

– Кому как, – Лазарев уклонился от прямого ответа. – Садись, Николай Викторович, разговор есть.

– Это я понял, иначе с утра пораньше не вызвали бы.

– Для меня утро началось в пять сорок, – Лазарев вдавил окурочек в пепельницу.

– Тоже вызывали?

– Разумеется. Ситуацию на Сирийско-египетском направлении изучал?

– В общих чертах: давний многолетний конфликт между арабскими странами и Израилем. Израиль требует признать свою независимость, арабы – получить назад отвоеванные

израильянами земли: сектор Газа, Синайский полуостров, Западный берег реки Иордан и Голанские высоты. Помимо того что в войне 1967 года арабские армии потерпели позорное поражение, захват территорий привел к массовому изгнанию арабского населения с завоеванных земель. Арабским правителям такое положение вещей не по душе. Президент Египта Анвар Садат и президент Сирии Хафез Асад в течение вот уже шести лет ведут активное наращивание военной мощи. Израильская сторона во главе с министром обороны Моше Даяном занята формированием укрепрайонов, таких как Бар-Лев. На настоящий момент силы арабосирийской армии превосходят израильские как по численности...

– Погоди-погоди, не так рьяно, – Лазарев махнул рукой, останавливая полковника. – Вижу, что ты в теме. И относительно численности армии, и по части вооружения. Сейчас речь идет о другом. Как известно, у СССР здесь свой интерес – расширение советского влияния на Ближнем и Среднем Востоке. В этом вопросе мы добились колоссальных успехов и, заметь, не в результате вторжения или хитрых политических авантюр. Можно сказать, Советский Союз стал ведущим игроком на Ближнем Востоке «по приглашению». Мы не захватывали военных баз, правительства Сирии, Египта, Йемена и Алжира предложили нам льготы, к которым мы стремились по собственной инициативе. Советское влияние выросло благодаря упорной работе: займы, поставки оружия, политическая помощь, всемерная поддержка арабских стран против Израиля и Запада. Да, Советский Союз преследовал свои цели: максимально убрать влияние Запада с Ближнего Востока и, насколько возможно, укрепить советские позиции. Но разве не все страны добиваются того же?

– Я никак не пойму, Анатолий Иванович, куда ведет этот разговор? – воспользовавшись возникшей паузой, задал вопрос Старцев. Он и правда не мог понять, к чему проводить политинформацию на уровне первого курса Института международных отношений.

– Ты меня не подгоняй, полковник. Раз я говорю прописные истины, значит, так надо!

Лазарев нахмурился: вопрос Старцева сбил его с мысли. С каких это пор его, опытного разведчика, бывшего резидента КГБ в Париже, активного участника многочисленных успешных спецопераций, в том числе сложной многоходовки под кодовым названием «Карфаген», проведенной внешней разведкой СССР во Франции, стало возможно сбить с мысли? Его мозг работал как часы, когда готовилась операция по внедрению в диспетчерский центр американской армии советского агента. А ведь через этот центр шла вся секретная корреспонденция из Соединенных Штатов. В результате этой операции советское руководство получило целый ряд сверхсекретных документов. По этому каналу, в частности, пришел мобилизационный план американского военного командования на случай подготовки и начала военных действий против стран Варшавского договора.

Вот почему внезапная рассеянность так раздражала генерала. Распинаясь перед Старцевым, Лазарев не ставил целью потянуть время, прежде чем предложить полковнику проглотить горькую пилюлю. Он хотел, чтобы полковник увидел сразу все стороны дела, чтобы объективно подошел к изменениям, которые тому предстояло пережить. Главное, Старцев должен был уловить настроение, с которым следовало начать разговор с вверенной ему спецгруппой. Будучи в той же ситуации, Лазарев как никто другой понимал, какие чувства возникнут у полковника Старцева, когда он сообщит, для чего вызвал его в столь ранний час. Роль гонца, приносящего дурную весть, Лазареву не нравилась. Не могла она понравиться и Старцеву.

– Виноват, товарищ генерал-майор. – Старцев машинально подтянулся. Какими бы дружескими ни были отношения, а субординацию забывать нельзя, так считал полковник и уже жалел о заданном вопросе.

– Ладно, проехали, – отмахнулся от извинений Лазарев. – Итак, про наших друзей с Востока. В противостоянии США нам нужны все возможные союзники, а арабы, с какой стороны ни посмотри, по большей части настроены лояльно. Даже Хафез Асад, который в первые месяцы своего правления испытывал колебания, в итоге принял правильное решение. В

обмен на постоянное использование советскими военными баз ВМС на территории Сирии и полную поддержку СССР по всем военно-политическим вопросам Асад получил вооружение и поддержку против Израиля. На настоящий момент между нашими странами налажено взаимовыгодное сотрудничество. И если с Асадом все более-менее ровно и в ближайшем будущем он останется нашим союзником, то с Садатом не все так просто.

Лазарев сделал паузу, чтобы прикурить, жестом предложив Старцеву присоединиться. Отказываться Старцев не стал – напряжение в кабинете росло.

– Как ты знаешь, новый президент Египта, Анвар Садат, не самый ярый поклонник СССР, – после трех долгих затяжек продолжил Лазарев. – Получив в наследство от прежнего президента немалый запас оружия и техники, он решил, что больше в поддержке Советского Союза не нуждается. Благодаря точной работе разведки нам еще в начале 1971 года стало известно, что Садат нацелен свернуть внешнеполитические отношения с нами и перенаправить усилия на укрепление связей с США. То же касается и внутривосточных связей: Садат явно делает ставку на отход от курса своего предшественника Насера и готовит переориентацию на экономические отношения с Западом.

– Это создает проблемы для страны? – задал вопрос Старцев, слова Лазарева никак не прояснили ситуацию.

– А ты как думаешь? Мы вложили в Египет столько времени и сил, отправили десятки единиц вооружения для их армии – и что получили взамен? Требование в кратчайшие сроки убрать всех военных советников из страны! Десять дней! Десять дней на то, чтобы пятнадцать тысяч советских специалистов оказались за пределами Египта. И это после всего, что он получил от Союза!

Речь шла о внезапном решении Анвара Садата, от которого не один месяц лихорадило весь Советский Союз и дружественные ему страны. Когда 15 мая 1971 года новоиспеченный президент Египта после неоднократных официальных визитов в Москву подписал Договор о дружбе и сотрудничестве с СССР, это ни в коей мере не ввело в заблуждение Советское правительство. По данным советской военной разведки, Садат имел тайные контакты с США, агенты Центрального разведывательного управления всеми силами пытались вселить в Садата уверенность, что победоносная война с Израилем принесет ему долгожданное самоутверждение. Агенты ЦРУ давили и увещевали, обещая «всмерную помощь», которую получит Садат, лишь только избавиться от советских войск. В то же самое время американцы всячески превозносили мощь египетской армии: солдаты обучены, численность техники и вооружения восстановлена – армия готова к новым сражениям.

И вот 7 июля 1972 года, когда советский посол прибыл в резиденцию Садата, тот, наслушавшись посулов американцев, без предисловий заявил, что отказывается от помощи военных советников и требует, чтобы все они покинули страну до 17 июля, то есть в десятидневный срок. Ни объяснений, ни сожалений, ни слов благодарности. По сути, Садат нанес неслыханное оскорбление бывшим союзникам. Людей, прибывших по настоятельной просьбе предыдущего правителя, вымели из страны, как надоевший сор. И все же в верхах новость восприняли со смешанными чувствами. Начальник спецотдела нелегальной разведки не мог об этом не знать, как не мог пребывать в неведении относительно плюсов, открывшихся в результате финта Садата, и генерал-майор Лазарев. Вот почему, как только эмоции улеглись, Старцев произнес:

– Насколько мне известно, данное решение имело не только отрицательные последствия.

– Да, в какой-то степени эксцентричный и не слишком хорошо продуманный поступок Садата сыграл нам на руку. Это было политическое поражение, потеря военных позиций в стратегически важной стране. Да, это нанесло урон советскому престижу. В то же время противоборство между СССР и США в вопросах арабо-израильского конфликта перестало быть

актуальным – это первый плюс. А второй – это дало возможность Советскому Союзу уклониться от прямого участия в военных действиях.

– Чувствую, сейчас последует «но». Я прав, Анатолий Иванович?

– Как всегда, Николай Викторович, – Лазарев вдавил окуроч в пепельницу и снова потянулся к пачке. – Без «но» в нашем деле не бывает. Летом этого года на одной из встреч Анвар Садат и Хафез Асад пришли к соглашению о необходимости совместных военных действий против израильтян. Ничего нового, ничего удивительного. Все вполне предсказуемо. Как ты знаешь, реакции США и Израиля на самоубийственную выходку Садата так и не последовало, и в декабре 1972 он снова продлил «военно-политические» льготы СССР сроком на пять лет. Поставки оружия возобновились и даже в более крупных размерах, чем прежде. С 1967 года Египет и Сирия получили оружия больше, чем за предыдущие двенадцать лет. Сухопутные войска получили тяжелые танки ИС-3М, средние Т-34, Т-54, легкие ПТ-76, бронетранспортеры БТР-50, БРДМ-1, самоходные установки, буксируемую артиллерию, тактические и оперативно-тактические ракеты. А еще истребители, бомбардировщики, торпедные катера и подводные лодки. Но всего этого оказалось мало, и с декабря в Египет идут новинки боевой техники: танки Т-62, БТР-60, ПТУР «Малютка», ЗРК С-125 и ПЗРК «Стрела-2», истребители МиГ-21 новейших модификаций, вертолеты Ми-8. Понимаешь, к чему я все это перечисляю?

– К тому, что по факту египетская армия полностью оснащена советским вооружением, – подытожил Старцев.

– По факту мощь египетской армии – есть мощь Советской армии. Для мирового сообщества эти понятия неотделимы, несмотря на то что люди, которые держат в руках оружие и управляют боевой техникой, никак не связаны с СССР. На данный момент вооруженные силы Египта и Сирии по количеству вооружения, нашего вооружения, выросли вдвое. Примерно во столько же израильский потенциал уступает арабскому, несмотря на все вливания со стороны Штатов.

– Хотите сказать, что, если арабы инициируют новую войну, оценивая ее результаты, мир будет оценивать реальные возможности СССР?

– Молодец, Старцев, уловил самую суть, – Лазарев откинулся на спинку кресла. Вводная часть закончилась, разговор подошел к главной теме. – Только не «если», а «когда».

– Да, конечно. Очередной виток эскалации неизбежен, разногласия между этими странами никуда не делись, поэтому новое столкновение – лишь вопрос времени.

– И время это наступило, Николай Викторович.

– Вот как? Новые данные разведки?

– Отчасти.

– И эти данные касаются непосредственно меня?

– Тебя и твоей группы. Вчера меня вызвали в Управление. Я полагал, что предстоит встреча с начальником ПГУ (Первого главного управления), но товарищ Мартин, хоть и присутствовал на встрече, играл второстепенную роль. Догадываешься, кто искал встречи со мной вместо него?

– Председатель?

– Да. Товарищ Андропов, Председатель Комитета государственной безопасности СССР, пожелал личной встречи. Был там и кое-кто еще.

– Неужели сам Леонид Ильич?

– Нет, до этого, к счастью, не дошло. На встрече присутствовал чрезвычайный и полномочный посол в Египте Владимир Михайлович Виноградов. Но если нам, – Лазарев выдержал короткую паузу, – точнее, вам не удастся взять ситуацию под контроль, на ковре у Генерального окажемся мы все.

– Настолько все серьезно?

– Суди сам, – Лазарев в очередной раз закурил и пересказал Старцеву содержание разговора «в верхах».

Полномочный посол прибыл в СССР накануне вечером, чрезвычайные обстоятельства заставили планировать поездку в спешке. О своем визите предупредить кого-либо Виноградов не успел, поэтому его приезд оказался полной неожиданностью как для Председателя КГБ, так и для Генерального секретаря. На встрече с Леонидом Ильичом Виноградов буквально настоял, заявив, что информацию, которую он привез, может сообщить вторым лицам только с личного разрешения товарища Брежнева.

После непродолжительных переговоров Леонид Ильич заявил, что сможет выкроить десять минут в плотном графике, но встречу придется провести буквально на ходу. В назначенный срок Виноградов и Андропов явились на Кутузовский, в личную квартиру Леонида Ильича, а уже через десять минут на телефон генерал-майора Лазарева поступил звонок с приказом срочно прибыть в кабинет товарища Андропова.

Из Каира посол привез дурные вести. Служба общей разведки получила сведения об утечке информации, касающейся военных действий, планируемых правителями Египта и Сирии против Израиля. Сведения смутные и расплывчатые, но руководитель Службы египетской разведки все же отправился с ними к президенту Садату. Тот выслушал сообщение и пришел в ярость: как такое возможно? У него под носом крадут сверхсекретную информацию, а Служба разведки обладает лишь отрывочными данными, по которым невозможно понять ни то, что именно удалось узнать агентам израильской разведки, ни то, кто именно пытается всадить нож в спину президента. Да что там президента – всей страны!

Примерно в таком духе, как всегда, не вдаваясь в подробности, зацепившись за одну только фразу, Анвар Садат распалялся больше часа, бушевал так, что воздух вокруг него накалился. А потом вдруг успокоился и велел начальнику разведки убираться прочь. «Твое упущение – ты и расхлебывай. Если что-то пройдет не так, я буду знать, кого обвинять». И все, на этом для Садата инцидент оказался исчерпан. По счастливой случайности, при разговоре, если можно назвать гневные тирады правителя разговором, присутствовал главный маршал авиации Хосни Мубарак. В отличие от президента, склонного к вспышкам гнева и эксцентричным решениям, Мубарак не мог себе позволить проигнорировать новость.

Он выждал время и связался с начальником Службы общей разведки, чтобы прояснить ситуацию. Выяснить удалось следующее: в штабе командования армии некто тайно снял копии с главного плана предстоящего наступления, с предварительной датой, с расстановкой сил и со всеми возможными подробностями. Получилось ли у него вынести копии или они все еще находились на территории штаба, выяснить не удалось, как не удалось понять, кто источник утечки информации. То, что для этого египетская разведка не имела должного опыта и ресурсов, Хосни Мубарак понимал, как никто другой.

Не так давно в роли начальника Академии воздушных сил он проводил перестройку всего учебного процесса, чтобы вывести результативность обучения на приемлемый уровень. Начинать пришлось практически с нуля, сил и средств потратили невероятное количество, и все равно навыки летчиков оставляли желать лучшего. Сам он получил образование в СССР и по праву считался в своей стране летчиком-асом. Поэтому и был назначен на это место президентом Насером. Но мог ли он назвать хоть одного подготовленного академией летчика асом? Лет через пять – возможно, но не сейчас.

Примерно в таком же положении находилась и Служба разведки. Образованная меньше двадцати лет назад практически на пустом месте стараниями Гамалья Абдель Насера, она решала вопросы как внешней, так и внутренней безопасности и никак не могла сравниться с такими мастодонтами, как ЦРУ, получившим в свое распоряжение лучших служащих федеральных служб и оттачивающих мастерство с 1947 года, или МОССАДом, израильской раз-

ведкой, берущей начало из далекого 1929 года, когда службы разведки еще не были реорганизованы и разделены на британский манер по отдельным направлениям.

Служба общей разведки Египта не шла ни в какое сравнение с органами государственной безопасности СССР. Ныне действующий Комитет государственной безопасности хоть и был образован в тот же год, что и египетская разведка, но за его плечами были десятилетия серьезной работы в разных структурах. По факту в Госбезопасность попали лучшие из лучших всех прежних служб, начиная с ОГПУ, НКГБ и заканчивая Министерством государственной безопасности.

Вот почему, поняв всю серьезность произошедшей утечки, Хосни Мубарак принял решение просить помощи у советской разведки. В обход президента, разумеется. Наделенный особыми полномочиями, он тайно встретился с чрезвычайным и полномочным послом СССР и передал свою просьбу. Беседа с послом длилась больше часа, после чего тот спешно вылетел в Москву.

– Вот такая ситуация, – подытожил свой рассказ генерал-майор Лазарев.

– Раз я здесь, следовательно, Генеральный секретарь воспринял затруднения союзников с пониманием, – Старцев тщательно подбирая слова, потому как генерал до сих пор не сказал, в чем, собственно, будет заключаться работа спецотдела нелегальной разведки.

– «С пониманием» – слишком громко сказано, – впервые с начала беседы Лазарев от души рассмеялся. – Жаль, не довелось лицезреть эту сцену лично. Пересказывая слова Генерального секретаря, Юрий Владимирович был крайне корректен, но даже его цензура не смогла полностью сгладить те резкости, которые сыпались в адрес досточтимого президента Садата. Не стану утомлять тебя подробностями, общий лейтмотив звучал примерно так: мы предоставили Садату все, что необходимо для победы, а он в очередной раз умудрился проиграть, даже не начав войну.

– Проиграть? Так стоит вопрос?

– Да, Николай Викторович, боюсь, именно так. Военные аналитики успели проработать вопрос и сошлись во мнении, что успех операции может обеспечить только элемент внезапности. Если египетская армия лишится этого – исход кампании предрешен. Израиль возьмет верх, а это значит, что Соединенные Штаты получают возможность расширить зону своего влияния на Ближнем Востоке. Мы не можем допустить подобного исхода, поэтому ты и твоя спецгруппа получает новое задание: вычислить того, кто завладел копиями плана наступления, изъять их и уничтожить. Помимо этого, группа должна предотвратить встречу арабского шпиона с агентами МОССАДа. Мы не знаем, что он может передать на словах, так что даже без пакета документов он слишком опасен.

– Устранить?

– Нет. Ни в коем случае! Только предотвратить встречу. В идеале ни Садат, ни агенты израильской разведки, ни сам завербованный шпион не должны понять, что у Советского Союза в этом деле есть свой интерес.

– Задача не совсем понятна, Анатолий Иванович, – Старцев в недоумении поднял брови. – Разрешите уточнить?

– Спрашивай, Николай Викторович.

– Первый вопрос для прояснения ситуации: речь идет о группе Богданова?

– У тебя на этот счет имеются возражения?

Лазарев сдержал усмешку, он прекрасно понял, откуда подобный вопрос. Для того чтобы это понять, опыт работы в разведывательных службах не требовался: дело взял под личный контроль сам Леонид Ильич, а последнее дело группы «Дон», которое он курировал, оказалось провальным, так что логично было предположить, что Генеральный секретарь пожелает сменить команду. Лазарев не ошибся, именно об этом думал Старцев, задавая вопрос.

– У меня возражений нет, – произнес Старцев. – Группа подполковника Богданова даже в урезанном составе является лучшей во всем Управлении нелегальной разведки КГБ.

«Лишь бы не было возражений у товарища Брежнева, – подумал он про себя. – А ребята справятся, они уже достаточно отдохнули и наверняка рвутся в бой, мечтая восстановить подмоченную репутацию».

– Вопрос состава уже решен, – заявил Лазарев. – Будет твоей группе пополнение. Какие еще вопросы?

– Решен? Не знал. Предполагалось, что кандидаты будут проходить подготовку и отбор до апреля следующего года. Стоит ли торопить события? Не хотелось бы получить в распоряжение не до конца подготовленных людей.

– К этому мы еще вернемся, давай по существу. Ты ведь сказал, что вопросов для прояснения достаточно.

Старцев понял, что генерал-майор по какой-то причине уходит от разговора о составе группы, но настаивать не стал. Позже так позже. В любом случае без его личного одобрения этот вопрос не решался ни разу, так что, если появятся сомнения, он сумеет переубедить начальство в целесообразности введения новых людей, особенно накануне серьезной операции.

– Вы сказали, группа должна действовать так, чтобы ни завербованный шпион, ни агенты МОССАДа не поняли, что имеют дело с советскими разведчиками. При личном контакте скрыть этот факт вряд ли возможно.

– Личных контактов следует избегать.

– Задержать шпиона, не входя с ним в контакт? Сложная задача, – Старцев задумался.

– Никто и не обещал, что будет легко, – заметил Лазарев.

– Хорошо, с этим разобрались. Да, задача сложная, но выполняемая, – Старцев начал размышлять вслух. – Последний вопрос: каким образом группа сможет вычислить шпиона в окружении Анвара Садата, если сам президент не должен знать о том, что вопросом занимаются советские разведчики?

– Группе «Дон» не придется контактировать с людьми Садата, – перебил полковника Лазарев. – Они не поедут ни в Каир, ни в Александрию.

– А куда они поедут?

Лазарев не спешил отвечать. Он поднял трубку внутренней линии:

– Олег, организуй два чая и чистую пепельницу.

Не дожидаясь ответа, Лазарев положил трубку на место.

– С пяти утра во рту маковой росинки не было, – пояснил он, хотя необходимости в этом не было. – Ты, я думаю, тоже позавтракать не успел.

– Да мне как-то не до чая, – высказался Старцев. – Разобраться бы в ситуации.

– Успеешь. Час сидим, столько сигарет выкурили, от дыма в горле першит, и тошнота подступает, – противореча своим же словам, Лазарев потянулся к пачке. – Под чаек и курить приятнее, верно, Николай Викторович?

Старцев промолчал. Его напрягала непривычная медлительность начальника Управления. Обычно Лазарев вводил в курс дела быстро и четко, если и требовалось отступление, то оно носило информативный характер. А тут они успели обсудить все аспекты советско-египетских отношений, а до конкретики так и не дошли. Кроме того, в кабинете чувствовалась какая-то напряженность, что тоже не способствовало сохранению спокойствия. Старцев интуитивно понимал, что главная новость еще впереди, и от этого нервничал еще сильнее. «Лучше бы генерал начал с плохих вестей, – размышлял Старцев в ожидании, пока принесут чай. – Хуже нет – ждать и догонять». Но, по всей видимости, у генерал-майора Лазарева на этот счет имелись свои соображения.

В кабинет вошел помощник генерала, капитан госбезопасности Олег Моренко. В руках он держал поднос. Ловко выставил на стол две чашки на блюдцах, сахарницу, вазочку с печеньем и пузатый чайник, из носика которого шел пар. Рядом поставил чистую пепельницу.

– Спасибо, Олег! Эту заberi.

Моренко забрал полную окурков пепельницу и молча вышел.

– Угощайся, Николай Викторович, – Лазарев придвинул чашки, наполнил их до краев янтарной жидкостью. – Тебе с сахаром?

– Спасибо, нет.

Соблюдать этикет и вести светскую беседу за чаем Старцеву совершенно не хотелось, поэтому он ограничился обрывочными фразами. Лазарев же, напротив, не прочь был немного отвлечься от серьезной темы. Отпив глоток, он с наслаждением зажмурился:

– Прекрасный чай! Олег знает, какой сорт выбрать, чтобы без горечи и в то же время с достаточной крепостью. Печенье, скорее всего, из личных запасов, – Лазарев рассмеялся. – Когда-нибудь я его прижучу.

– В каком смысле? – не удержался Старцев.

– Моду взял подарки от моих визитеров получать, – продолжая смеяться, Лазарев положил в рот печенье. – Вкусные подарки, надо признать. Но такое положение вещей никуда не годится. В приемной начальника Управления нелегальной разведки принимать подношения!

– Он ведь не выпрашивает, – вступился за капитана Старцев.

– Еще бы выпрашивал!

– Чай и правда вкусный, – похвалил Старцев, отхлебывая из чашки, и вернул разговор в прежнее русло: – Так куда придется забрасывать группу «Дон», если не в Каир и не в Александрию?

– В Ливию.

Старцев чуть не поперхнулся. Отставил чашку, машинально стер ладонью пролившиеся на стол капли и посмотрел на Лазарева:

– В Ливию?

– Плохо со слухом? – поддел его Лазарев. – Или ответ не нравится?

Со слухом у Старцева было все в порядке, но ответ настолько обескураживал, что полковник не смог сдержать удивления. Ливия, хоть и являлась союзником Египта, но взаимоотношения между двумя правителями оставляли желать лучшего. Помимо личной неприязни Анвара Садата и ливийского лидера Муаммара Каддафи внешнеполитические отношения этих стран в настоящий момент находились на грани разрыва. Это было странно, так как судьбы Садата и Каддафи практически повторяли одна другую.

Муаммар Каддафи вышел из беднейшей бедуинской семьи, по его собственным словам, в детстве он «никогда не видел моря». Бунтарь и революционер, он неимоверными усилиями построил свою военную карьеру, дослужившись до капитанского чина. Он, как и Садат, являлся активистом в создании подпольной организации «Свободные офицеры юнионисты-социалисты», впоследствии совершившей переворот и свергнувшей монархию в Ливии.

План свержения монархии был разработан еще в январе 1969 года, но трижды переносился по разным причинам. И все же революция состоялась. Ранним утром 1 сентября отряды «Свободных офицеров» под руководством капитана Каддафи начали наступление в Бенгази, Триполи и других городах страны. Каддафи, как и Анвар Садат, зачитал первое обращение к ливийскому народу. Монархия была свергнута, Ливия провозглашена Арабской Республикой, высшим органом государственной власти стал Совет революционного командования, а двадцатисемилетний Каддафи был произведен в чин полковника и назначен Верховным главнокомандующим вооруженными силами страны.

На настоящий момент Муаммар Каддафи соединял в своем лице должности председателя Совета революционного командования, премьер-министра и министра обороны, являясь

де-факто главой Ливии. Много лет Муаммар Каддафи был одержим идеей создания всеобъемлющего союза стран Арабского мира и всеми силами шел к воплощению своей мечты. В конце декабря 1969 года он присоединился к Египту и Судану при подписании Хартии Триполи, в которой содержались положения по созданию федерации арабских стран. После смерти Гамаль Абдель Насера переговоры продолжились с его преемником, Анваром Садатом. Позднее к обсуждению планов по объединению арабских государств присоединился и президент Сирии Хафез Асад.

В апреле 1971 года они объявили о создании Федерации, подписали проект конституции, которую приняли большинством голосов на референдумах во всех трех странах. 1 января 1972 года Анвар Садат был назначен первым президентом совета, руководящего органа будущей Федерации Арабских Республик. Тогда же был разработан полномасштабный план по слиянию всех сфер влияния трех стран: Ливии, Сирии и Египта. Но дальше плана дело не пошло.

Несмотря на то что Каддафи не одобрял политику египетского и сирийского правителей в отношении Израиля, он начал переговоры с Садатом о полном слиянии двух стран, которое объединило бы их в единое государство. Для подобного предложения у Каддафи были свои причины. Он был уверен, богатство Ливии в сочетании с рабочей силой и военной мощью Египта сыграют ключевую роль в противостоянии Арабского мира Израилю.

При населении Ливии в два миллиона человек ежегодный доход на душу населения в четырнадцать раз превышал те же показатели в Египте, где численность населения приближалась к тридцати четырем миллионам, а ливийские бюджетные резервы превосходили египетские в десять раз. Военные силы Египта, подкрепленные денежными вливаниями Ливии, должны были сработать, так считал Каддафи.

Переговоры с Садатом привели к тому, что в августе 1972 года он заявил о поддержке плана Каддафи по объединению, но вскоре между правителями возникли серьезные разногласия. Каждый из лидеров по-своему видел будущее союза. Каддафи ратовал за немедленное объединение, Садат же склонялся к поэтапной работе и более тщательной подготовке плана слияния.

Каддафи полумеры не устраивали. Личная неприязнь между правителями усиливалась, но, несмотря на это, Каддафи обратился к Садату с предложением: он готов уйти в отставку с поста главы государства, если это поможет подвигнуть Анвара Садата продолжить объединение двух стран. Желая усилить эффект своего заявления, Муаммар Каддафи организовал поход в Каир. Тридцать тысяч ливийцев должны были показать, какую всеобъемлющую поддержку имеет идея объединения среди ливийцев. Анвара Садата не убедило и это. 1 сентября этого года он фактически поставил крест на объединении Ливии и Египта. Оппозиционные деятели Египта заявляли о несовместимости двух политических систем и исторической антипатии между ливийцами и египтянами.

Для Муаммара Каддафи результат его Крестового похода оказался совершенной неожиданностью. Столько времени, столько усилий – и все в никуда! Сколько средств и ресурсов страны он потратил на поддержание военной мощи Египта, включая тайную передачу египетской армии ливийских военных самолетов и другого вооружения. Решительного разрыва еще не произошло, но им была насыщена политическая атмосфера между двумя странами.

И вот в такой период генерал-майор Лазарев предлагал советским разведчикам отправиться в Ливию для проведения спасательной операции в пользу Анвара Садата, причем вопреки желаниям самого Садата. Старцев не стал напоминать генерал-майору политическое положение между странами, вместо этого он задал практический вопрос:

– Вы хотите, чтобы группа Богданова вычислила среди двух миллионов населения Ливии одного агента, завербованного израильской разведкой, при этом не входя в контакт ни с аппаратом Анвара Садата, ни с аппаратом Муаммара Каддафи?

– Нет, полковник, мы не настолько безжалостны, – Лазарев позволил себе улыбнуться. – Вводная намного проще и понятнее.

– Тогда, быть может, пришло время для конкретики?

– Пожалуй, пришло. По данным разведки, за последние сутки три официальных лица из числа окружения Анвара Садата приобрели билеты на поездку водным путем из Каира в Триполи. Все трое находятся под подозрением у агентов арабской разведки. Группе предстоит прощупать всех.

– Их имена?

– Тебе имена не понадобятся, – после едва заметной паузы, объявил Лазарев. – Группу «Дон» перебросят в Ливию через Францию, предварительно введя в курс дела. Далее им придется действовать самостоятельно. Боевых столкновений не будет, Юрий Владимирович настаивал на этом отдельно. Ни к чему, чтобы вспыльчивый и непредсказуемый в своих поступках Анвар Садат заподозрил Советский Союз во вмешательстве во внутренние дела его государства. Так что оружия не понадобится. Легендой для прикрытия мы группу обеспечим, но это все, что мы можем сделать для них в сложившейся ситуации. Связь с Управлением командир группы будет держать через единственный канал, который будет ему доступен, отчитываться о результатах он будет лично начальнику Первого главного управления генерал-лейтенанту Мортину.

– Ого! Даже не вам, Анатолий Иванович? Сразу выше? – Старцев удивился.

– Именно так, полковник. Приказ Андропова – все доклады только Мортину. Тот обязан держать в курсе самого Андропова, который, в свою очередь, должен докладывать обстановку Леониду Ильичу.

– А нас с вами, Анатолий Иванович, выходит, устранили, – Старцев пожал плечами. – Что ж, подполковнику Богданову не впервой общаться с игроками высшей лиги. Думаю, для него, как для командира группы, это не станет проблемой.

– Подполковник Богданов примет участие в спецоперации в качестве члена группы, но командовать операцией он не будет.

«Вот и сообщил главную новость дня, – в какой-то степени Старцев даже испытал облегчение. Наконец вскрылась главная интрига, больше незачем думать и гадать, что именно подготовил начальник Управления на десерт. – Что ж, дальше должно стать легче».

– Богданова разжаловали? – почти без паузы спросил он.

– Нет, за подполковником оставили звание и все привилегии, – ответил Лазарев. – Просто этой операцией он командовать не будет. Это решение товарища Андропова, и, как ты понимаешь, обсуждению оно не подлежит.

– И в мыслях не было обсуждать приказы вышестоящего начальства, Анатолий Иванович, – голос Старцева звучал ровно, исключая возможность по интонации понять, как он воспринял эту новость. – Общая картина теперь ясна: группа «Дон» получает новое задание и в нагрузку – нового командира, который подчиняется напрямую начальнику ПГУ. С этим разобрались, остается выяснить: зачем здесь я?

– Ты – непосредственный начальник группы «Дон», где же тебе быть? Официально ты являешься лицом, отдающим приказы членам группы, так что все логично.

– Приказ на смену командира тоже должен отдать я?

– Это временная мера, в свете последних событий вполне закономерная...

– Прошу, Анатолий Иванович, не будем ходить вокруг да около! – как ни старался Старцев, а напряжение побороть не смог. – Я не кисейная барышня, я боевой офицер, к чему все эти преамбулы? Или вы настолько во мне не уверены, что боитесь, что я не выдержу удар?

– Ладно, Старцев, не кипятись. Думаешь, мне самому нравится эта ситуация? Меня, как ты правильно заметил, фактически тоже отстранили от руководства операцией. Так что мы с тобой в одной лодке.

– В одной, да не совсем. Или я ошибаюсь?
– Нет, не ошибаешься. То, что предстоит выполнить тебе, меня не заденет, – вынужден был признаться Лазарев.

– И что же мне предстоит выполнить?

– Ты должен собрать группу, не объявляя о предстоящих изменениях, отправить на базу. И организовать для них психологический прессинг.

– Что-что? Психологический прессинг? Я не ослышался, Анатолий Иванович?

– Да все ты понял, – Лазарев скривился, раздражаясь все сильнее. Ситуация для него была так же неприятна, как и для Старцева, только вряд ли подчиненный это мог почувствовать. – Новый командир группы желает проверить вверенный ему состав на лояльность, если можно так сказать. Желание объяснимое: он твоих людей не знает, они не знают его, а операция предстоит непростая. Он должен быть уверен в том, что у членов команды крепкие нервы и правильный настрой.

– Другими словами, он хочет выяснить, не подорвала ли провальная операция боевой дух и не рванут ли члены команды писать рапорты, требуя отставки, когда узнают, что их командир понижен в должности!

– Он не понижен в должности! – Лазарев повысил голос. – Начнем с того, что новый член группы выше Богданова по званию.

– И кто же он по званию?

– Полковник.

– Ясно.

– Пока тебе ничего не ясно, – Лазарев сбавил напор. – Твоя задача подготовить группу к встрече с новым командиром, не сообщая о предстоящих изменениях. Подготовить так, чтобы при встрече с ним члены группы были рады его появлению.

– Устроить им такой напруг, чтобы после него любое решение казалось благом?

– Именно, – подтвердил Лазарев и передал рекомендации начальника Первого главного управления генерал-лейтенанта Мортина.

Старцев выслушал молча, не задал ни единого вопроса, не позволил себе ни одного комментария. Генерал-майор ждал совершенно иной реакции, но в принципе был доволен, как все обернулось. Разговор этот его порядком утомил, и он желал поскорее с ним покончить. В заключение Лазарев спросил:

– Сложная задача?

– Никак нет, товарищ генерал-майор. Задача выполняемая.

– Вот и славно. Понадобится помощь – обращайся, вместе подумаем, как лучше все организовать. – Лазарев поднялся, давая понять, что разговор окончен.

– Справлюсь, Анатолий Иванович. – Старцев тоже поднялся, вместо рукопожатия козырнул и поспешно вышел из кабинета.

Лазарев осуждающе покачал головой ему вслед, но останавливать полковника не стал. Старцев же больше не мог ни минуты находиться в кабинете. Его распирала злость. Одно-единственное поражение в деле, которое изначально все считали провальным! Даже когда отправляли группу в Чили. Президент Альенде, старый упрямый патриот! Никто не сомневался, что он откажется покинуть страну даже в момент угрозы смерти, и все же послали Богданова, будто он мог совершить невозможное. Он бы и мог, если бы ему дали чуть больше свободы! Так нет, ему навязали определенные условия, которых он обязан был придерживаться, а теперь решили отыграться?

Старцев не заметил, как оказался на улице. Сообразил это только тогда, когда почувствовал, что промокли ноги. Он остановился на краю тротуара, посмотрел вверх. С неба сыпал мелкий дождь, сквозь него пробивались солнечные лучи, создавая эффект радуги. Несмотря на пасмурную погоду, настроение у полковника улучшилось. Радуга – символ преображения,

мост между небом и землей, граница между мирами. «Все наладится, непременно наладится, – глядя на разноцветные полосы, думал Старцев. – Плохое уйдет, хорошее вернется. Богданова не убрали из группы – это плюс. Новый командир – не обязательно минус. Надо только придумать, как их подготовить».

Он не пошел в кабинет, не вернулся домой, а предпочел бродить по московским улицам до тех пор, пока в голове не сложился план. Еще сырой, совсем как осенняя погода, но все же вполне приемлемый. Детали требовали проработки, а сроки подгоняли, так как группу приказано было отправить на базу боевых подразделений КГБ не позднее завтрашнего утра.

К четырем часам он все же вернулся домой. Промокший до нитки, уставший, голодный. Злость ушла, нервное напряжение спало, и он готов был начать действовать. В первую очередь Старцев переоделся во все сухое, налил себе горячего чая, придвинул телефон. Позвонил на базу, от имени генерал-майора Лазарева отдал распоряжение подготовить помещение группы «Дон». На этот раз подготовка предстояла особая, не по привычному сценарию. Дежурный контрольно-пропускного пункта записал все требования полковника, Старцев заставил его прочитать список дважды и только после этого дал «отбой».

Следующий звонок не относился непосредственно к подготовке соответствующей обстановки для группы «Дон». Скорее, он был нужен самому Старцеву, чтобы правильно спланировать стратегию разговора с Богдановым. Генерал Лазарев, правда, нехотя, но все же сообщил имя будущего командира группы, и Старцев по своим каналам хотел прощупать почву, что за человек встанет во главе его лучшей команды.

Результаты двухчасовых переговоров с людьми, владеющими информацией, оказались не слишком ободряющими. Не такого командира Старцев мечтал видеть в команде Богданова, но... на этот раз его слово ничего не решало. Его мнение вообще в расчет не шло, так что оставалось только смириться и надеяться, что подполковник Богданов и его группа не наделают глупостей.

Без четверти час ночи Старцев набрал номер Богданова и сухо отдал приказ. Операция «Прессинг» началась. На этом этапе за подполковника и его людей Старцев почти не беспокоился. Ничего нового в спешных сборах для них не было, а его официальный тон и спешку в разговоре можно списать на загруженность и ночное время. Вот его молчание на протяжении нескольких следующих дней Богданову будет обосновать уже сложнее. Отсутствие экипировки и ограничение в передвижениях должно сперва насторожить, потом разозлить, но в конечном итоге – заставить задуматься.

В том, что подполковник Богданов умеет мыслить логически и анализировать, Старцев не сомневался. И все же поначалу он подумывал о том, чтобы каким-то образом передать на базу ободряющую весточку. Потом от этой мысли отказался. Так можно больше навредить, чем помочь. Пусть справляются сами, пусть думают, делают выводы и готовятся к худшему. В конце концов, они разведчики, значит, должны быть готовы к любым испытаниям. Старцев был убежден: к испытаниям его люди готовы. Прав ли он – покажет время, а пока остается только ждать и выполнять приказы вышестоящего начальства.

Три дня нервного напряжения не прошли бесследно. В обед третьего дня, после очередного совещания в кабинете начальника Первого главного управления, генерал Лазарев велел Старцеву зайти к нему в кабинет.

– В чем дело, Николай Викторович? – с порога задал он вопрос.

– Не понимаю, о чем вы, Анатолий Иванович? – переспросил Старцев.

– У тебя вид – в гроб краше кладут, – без обиняков заявил Лазарев. – Нервы сдают?

– Никак нет, – Старцеву не хотелось обсуждать вопросы своего здоровья, – со мной все в порядке.

– Я вижу, в каком ты порядке, – проворчал Лазарев и неожиданно объявил: – Отправляйся в госпиталь, пройди обследование. И не вздумай откладывать.

– Да в порядке я, – начал возражать Старцев. – Просто не выспался. Вот запустим операцию – и отдохну.

Лазарев поднял трубку внутреннего телефона:

– Олег, свяжись со штабной санчастью. Сейчас туда прибудет полковник Старцев, пусть ему проведут полное медицинское обследование. О результатах доложить лично мне. – Лазарев положил трубку и поднял глаза на Старцева: – Слышал? Выполняй.

Поняв, что возражать смысла нет, Старцев отправился в лазарет, а оттуда, по настоятельному требованию доктора, прямиком домой. Три дня постельного режима – таков был вердикт медиков, и Старцеву ничего не оставалось, как подчиниться. Так 25 сентября в восемь утра он оказался не в Управлении, а на кухне собственной квартиры, в одних трусах на голом табурете, задумчиво глядящим в окно.

Из этого состояния его вывел чайник. Вода бурно кипела, крышка возмущенно подпрыгивала, давясь избытками пара. Старцев поднялся, выключил газ, налил стакан крепкого чая, закурил и снова уселся у окна. «Теперь уже встретились, – взглянув на часы, подумал он. – Ох, Слава, только не напортачь! Дай им то, чего они желают, и через пару месяцев все вернется на круги своя».

Глава 3

Подъем в шесть утра, приказ командира Богданова, группа «Дон» выполнила с опережением. К пяти вся команда собралась в общей комнате. Богданов пришел последним, обвел взглядом боевых товарищей, усмехнулся, занял свободное место за столом и невесело произнес:

– Выспались?

– Успеешь после такого, – высказался за всех Казанец.

– А ты, Юра, нервы тренируй, разведчик без крепкой нервной системы – это как балерина без ног.

– Сравнения у тебя, командир, – Дубко невольно рассмеялся, хотя ситуация и не располагала к веселью. – Что делать-то будем?

– Ничего. Жить дальше, служить Родине там, куда она нас пошлет и под руководством того, кого она над нами поставит, – наставительно, но с долей иронии произнес Богданов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.